

С. С. Григорьева

Тверской государственной университет, магистрант

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

СОФИЗМ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является проблема языковой экологии. Современная коммуникативная среда перенасыщена агрессивностью, деструктивными формами языкового поведения. Преодолеть эти тенденции и призвана экология языка, способная противостоять деструктивным тенденциям, пронизывающим современную коммуникацию во многих сферах.

Но, чтобы успешно преодолевать деструктивные тенденции в коммуникации, нужно их изучать. Решению этой задачи посвящают свои усилия современные лингвисты (см., например [Эмотивная лингвоэкология 2013]). Вместе с тем, пока нет исчерпывающего описания самого феномена деструктивной коммуникации – как системы языковых стратегий и тактик, речевых актов – во всем их структурном своеобразии, в единстве структурного и функционального аспектов.

В современной научной литературе сложилось мнение, что к деструктивным формам коммуникации относятся любые проявления вербальной агрессии, любая форма агональной коммуникации. Так, А.Д. Никодимова в своей недавно защищенной диссертации к формам деструктивной коммуникации причисляет шантаж [Никодимова 2019]. В целом она права – шантажист стремится причинить урон контркоммуниканту, он агрессивен и деструктивен. Но, с другой стороны, разве шантажируемый в ситуации шантажа не мобилизует свои усилия, не вырабатывает (конструирует) стратегии и тактики противостояния шантажисту? И, может быть, с его стороны это будет уже не деструктивная, а конструктивная коммуникация?

С нашей точки зрения, поистине деструктивной коммуникацией будет такая коммуникация, которая действительно разрушает, и прежде всего – личность контркоммуниканта, сами ее основы. К последним мы относим, прежде всего, то, что составляет основу личности – ее мировоззрение, систему ценностей, категориальный аппарат как основной инструмент и условие адекватного бытия-человека-в-мире.

Один из самых опасных видов разрушительных форм коммуникации, ведущих к описанным перлокутивным эффектам, – софистика. Ее инструментом является так называемый софизм.

Возник термин «софизм» в связи с софистической философией V века до нашей эры, ее основными представителями были греческие философы Протагор и Горгий. Софисты были также педагогами – они

обучали будущих адвокатов умению вести дебаты в суде. Поскольку адвокату было необходимо любыми средствами доказать правоту и невиновность своего подзащитного, даже если это не соответствовало действительности, он должен был уметь вину представить как невиновность, злое как доброе, чёрное как белое. Этим целям служили софистические высказывания, основанные на софистической логике, которая не умерла в V веке до нашей эры, а живёт и сегодня, и поэтому исследование софистики как коммуникативного феномена не теряет актуальности.

О софизмах существует огромная литература, но, в основном, философская. Общим местом в описании софизма является утверждение того, что это – внутренне противоречивое высказывание, основанное на намеренной логической ошибке, из которого в силу этого можно сделать два прямо противоположных вывода. Приведём наиболее полное определение, которое было взято из словаря философских терминов: «софизм – рассуждение, кажущееся правильным, но содержащее скрытую логическую ошибку и служащее для придания видимости истинности ложному утверждению. Другими словами, софизм является особым приёмом интеллектуального мошенничества, попыткой выдать ложь за истину и тем самым ввести в заблуждение» [Философская энциклопедия URL]. Однако у философов, как и у лингвистов, нет указаний на то, как это высказывание работает и какие инструменты его формируют.

Наша цель состоит как раз в том, чтобы описать механизм работы софизма. Наша гипотеза состоит в следующем: софистика есть форма деструктивной коммуникации, целью которой является, прежде всего, разрушение категориального аппарата контркоммуниканта; софизм при этом является речевым актом, в котором намеренно формируется конфликт между уровнями предикации и пропозиции. Говоря о предикации и пропозиции, мы принимаем за основу точку зрения Е.В. Падучевой о том, что пропозиция является «потенциальным концептом предложения, т.е. таким смыслом, который выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семантических валентностей)» [Падучева 1985: 36-37]. Пропозиция же должна реализовываться в предикативной структуре высказывания. Но в софизме эти два уровня высказывания находятся в состоянии конфликта, который можно изучать средствами лингвистики.

Нас интересует не «что есть софизм», а то, «как работает софизм». Поняв «софизм в действии», определив его софизма, мы надеемся понять и его суть. Работу софизма можно отследить на основе рецептивной фазы софистического дискурса.

Любой текст воспринимается как логично выстроенная, внутренне непротиворечивая система. Это часть прагматической пресуппозиции,

обусловливающей восприятие текста реципиентом. Основана пресуппозиция на некоем достаточно устойчивом категориальном каркасе, который «контролирует обработку социальной информации», «направляет интерпретацию дискурса или ситуации» [Бревдо 1999: 63]. В процессе восприятия софизма этот категориальный каркас разрушается – через эффект «обманутого ожидания», который связан с психическим состоянием реципиента, при котором его предположения не оправдываются [Донгак 2001: 82].

Определим категориальный каркас как систему норм и конвенций, общих и частных представлений о том, как устроена действительность. Деструктивный потенциал софизма состоит в разрушении категориального каркаса как основы и формы миропонимания.

Впервые систему категорий исследовал, как известно, Аристотель, который в своём труде «Категории» (главы 4 – 9) исчислил базовые категории, то есть сущностные характеристики вещей. Он выделил 10 категорий: «субстанция», «количество», «качество», «отношение», «время», «пространство», «состояние», «обладание», «действие», «претерпевание» [Аристотель URL]. В логике это предикаты, которые характеризуют свойства предмета, и система категорий как раз и составляет аппарат понимания человеком окружающего мира и себя. Софизм разрушает эту стройную систему категорий, «перетасовывая» предикаты и лишая, соответственно, человека опоры в жизни – в этом состоит суть деструктивной коммуникации.

Определив рабочую терминологию, мы можем перейти к анализу конкретных примеров. Мы взяли два известных софизма и проследили поэтапно их рецепцию.

Полупустое есть то же, что и полуполное (1). Если равны половины, значит, равны и целые (2). Следовательно, пустое есть то же, что и полное (3).

Данный софизм представляет собой силлогизм, состоящий из трёх частей – трёх предложений. Полем софистической игры здесь является категориальная пара «количество-качество». Фоном игры – синтаксически безупречные предикативные конструкции. Последнее обстоятельство относится к исключительно важным – идеальная формальная структура высказывания обуславливает не критичное отношение к осуществляемому в силлогизме категориальному сдвигу на уровне пропозиции.

В первой части субъект высказывания («полупустое») отождествляется с «полуполным» как его предикатом (Полупустой есть полуполный). На уровне пропозиции эта предикативная конструкция порождает семантическую структуру, в которой доминирует **количественный** признак. Поскольку реципиент обязательно соотносит формирующуюся пропозицию со своим опытом действия в реальном

мире и своим категориальным аппаратом, то в его сознании неизбежно возникает некий двойной референт описанной предикативной структуры – с одной стороны, полупустой, с другой стороны, полуполный сосуд. Тождественными они могут быть только в том случае, если в них одинаково количество, допустим, воды. Полупустой стакан количественно содержит столько же воды, сколько и стакан полуполный.

Во второй же части силлогизма происходит сдвиг в категориальное поле «качество» – сдвиг незаметный именно потому, что перед нами столь же безупречная предикативная структура. Половины некоего целого будут равны не при количественном, но при **качественном** тождестве двух сравниваемых объектов. Если сравнить две половинки полных стаканов, то, естественно, при подобии частей (половин) этих полных стаканов можно быть уверенным и в тождестве целых – но обязательно **полных** – стаканов.

Завершающая же часть силлогизма, которая вводится словом «следовательно», окончательно устанавливает тождество между количественными и качественными критериями оценки «полноты» и «половинчатости». Но, поскольку тождества между ними не может существовать по определению, их форсированное отождествление разрушает сам принцип категоризации, который основан на различении признаков предметов, а не на их слиянии.

Другими словами, качественный признак продуцентом подменяется количественным: полупустота, помноженная на два, и полуполнота, помноженная на два, в данном случае займут одинаковое количество пространства, однако из этого невозможно сделать вывод о том, что воздух и жидкость – это одинаковые субстанции.

Рассмотри ещё один пример софистического высказывания.

«Что ты не терял, то имеешь (1). Рога ты не терял (2). Значит, у тебя рога (3)».

В данном софизме полем игры остаётся категория «количество», но она конкретизируется. Речь идёт о взаимодействии и конфликте разных типов множества (множество и подмножество). Если исходить из теории множеств, то множество, включающее в себя прочие множества (подмножества), обладает большей мощностью, чем его составляющие [Катасонов, Хаханян URL]. Следовательно, включённые в разные по типу множества термины будут характеризоваться разной семантической мощностью. Термины «терял» и «имеешь» в первой части софизма относятся к, условно говоря, подмножеству «личная собственность» субъекта владения и, соответственно, субъекта предикативной структуры, реализованной в первом предложении. Во втором предложении множество «личная собственность» субъекта неоправданно расширяется за счёт того, что в него включается то, что заведомо необязательно присутствует в

распоряжении обычного человека, обладающего определённым набором вещей, но является совокупной собственностью человечества (множественность в терминологии теории множеств). В подмене одного множества другим и, соответственно, в подмене терминов разной семантической мощи и состоит основание софизма, который работает уже не на межкатегориальном, а на внутрикатегориальном (по Аристотелю) уровне.

Дальнейшими задачами исследования может быть построение типологии софизмов в соотнесённости с базовыми категориями, а также сопоставительный анализ софистики и иных форм деструктивной коммуникации, например, парадокса, словесной игры и так далее.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Категории. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>. (дата обращения: 05.05.2019).

Бревдо И. Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: дисс.... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 171 с.

Донгак С. Языковая игра и обманутое ожидание // Критика и семиотика. 2001. №3/4. С. 78-84.

Катасонов В.Н., Хаханян В.Х. Теория множеств // Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7073>. (дата обращения: 05.05.2019).

Никодимова А.Д. Шантаж как коммуникативный феномен: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2019. 19 с.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.

Философия: Энциклопедический словарь. 2004. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1128/%D0%A1%D0%9E%D0%A4%D0%98%D0%97%D0%9C. (дата обращения: 05.05.2019).

Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Перемена, 2013. 450 с.